

Новгородские документы 1590-х годов и вопрос о закрепощении крестьян в конце XVI века

Вопрос о начальном этапе процесса закрепощения в России в исторической науке до настоящего времени не может считаться решенным. Основы понимания этого процесса были заложены еще В. Н. Татищевым, который ввел в научный оборот тексты указа 1597 года о пятилетних урочных летах и «уложения» 9 марта 1607 года. Большинство русских историков XIX века считали, что именно в конце XVI века были заложены основы крепостной зависимости крестьян. Однако В. О. Ключевский обратил внимание на то, что все известные нам закрепостительные указы конца XVI – первой половины XVII века, включая Уложение 1649 года, не содержат формулировок, прямо запрещающих крестьянские переходы. Об этом недвусмысленно и ясно он писал в 1886 году: «законодательство не устанавливало крепостного права на владельческих крестьян ни прямо, ни косвенно; оно не только не прикрепляло их к земле, но не отменяло и право выхода, т.е. не прикрепляло крестьян прямо и безусловно к самим владельцам»¹. В. И. Сергеевич, основываясь на данных указа 1597 года, утверждал, что Юрьев день был отменен в 1592 году².

Как видим, вплоть до начала XX века российские историки в своих реконструкциях процесса закрепощения оперировали главным образом фактами, почерпнутыми из законодательного материала, лишь в малой степени дополняя его архивным. Существенный прорыв в осмыслении социальной истории России XVI–XVII веков произошел лишь после того, как Д. Я. Самоквасовым были введены в научный оборот новгородские акты с упоминаниями о заповедных годах. Высокая степень сохранности новгородских по происхождению архивных источников позволила таким исследователям, как С. Б. Веселовский и Б. Д. Греков, вести планомерную работу, опираясь в первую очередь именно на них³. Б. Д. Греков считал, что указ 1597 года был вызван усиленным бегством крестьян, порожденным законом о заповедных годах. В спорах историков о сущности первого указа Греков принял сторону тех, кто считал, что указ 1597 года установил пятилетнюю исковую давность на будущее время⁴. А. А. Новосельский, не вступая в полемику с Грековым,

высказал суждение о том, что урочные годы были введены только правительством Романовых во втором десятилетии XVII века⁵.

Вторично новгородские по происхождению документы сыграли решающую роль в осмыслении процесса закрепощения благодаря выдающимся архивным находкам В. И. Корецкого в 1950-х годах. Найденные им в фонде Новгородской приказной избы РГАДА дела послужили основой для созданной вскоре автором концепции поэтапного закрепощения крестьян. Корецкий полагал, что крепостное право сложилось в результате введения заповедных лет, издания указа 1592 года и введения урочных лет для вывезенных (1594 г.) и беглых (1597 г.) крестьян⁶. Концепция Корецкого была подвергнута жесткой и предметной критике сразу тремя крупными специалистами по социальной истории России XVI–XVII веков В. М. Панеях отверг аргументы Корецкого в пользу реконструированного им указа 1592 года о полном запрещении крестьянских переходов, склонившись к мнению об определяющем значении заповедных лет⁷. Г. Н. Анпилогов, опубликовавший три новых грамоты с упоминанием заповедных лет и Елецкие акты 1592 года, также считал, что во всех материалах 1590-х годов, упоминавших царский указ о запрете выхода, имеются в виду заповедные годы⁸.

Р. Г. Скрынников создал противоречивую концепцию закрепощения, согласно которой к началу 1590-х годов заповедные годы из временной меры стали превращаться в постоянную, но на многие районы страны, например, южные уезды, не распространялись. Скрынников опроверг представление Корецкого о царском указе, воспретившем крестьянский выход и упразднившим Юрьев день, но он предположил, что во избежание конфликтов землевладельцев из-за крестьян с 1594 года правительство начинает ограничивать давность исков о крестьянах пятилетним сроком. По его мнению, закрепостительные мероприятия 1590-х годов завершились указом 1597 года, который «подтвердил предыдущие временные распоряжения впервые без ссылки на их временность и возможность их скорой отмены»⁹.

Поскольку настоящая статья является продолжением исследований автора, посвященных закрепощению в Русском государстве конца XVI века, резюмируем основные выводы наших опубликованных работ. Как мы попытались показать, режим «заповедных лет» применялся с 1581 года до начала 1590-х годов на частновладельческих землях северо-запада, запада и севера России и предусматривал сыск и возвращение по суду крестьян, чье пребывание на тяглой земле было зафиксировано документально. От режима «заповедных лет» следует отличать практику сыска черносошных крестьян

и посадских людей непосредственно писцами, осуществлявшуюся с 1585 года и не предполагавшую судебного разбирательства¹⁰.

Одновременное применение двух указанных способов сыска тяглецов, покоившихся на различных принципах, порождало необходимость временно приостанавливать некоторые закрепостительные мероприятия в отдельных районах страны. Подобная коллизия привела к появлению известного разрешительного распоряжения Торопецкой уставной грамоты 1590/91 года: «тяглецов... которые у них с посаду разошлись, в заповедные лета вывозить на старинные их места...»¹¹. Смысл распоряжения, вопреки мнению большинства исследователей, состоял не в запрете выхода посадских людей, а в разрешении вывоза бывших посадских людей из вотчин и поместьев, невзирая на существовавший там режим «заповедных лет».

В нашей статье, посвященной в значительной степени историко-юридическим проблемам, не затрагивался вопрос о сущности режима урочных лет, который неотделим от вопроса о том, существовал ли гипотетически реконструированный Корецким указ 1592/93 года об отмене Юрьева дня. В данной статье ставятся вопросы и предлагаются решения двух аспектов давно обсуждаемой научной проблемы: 1) каково взаимоотношение указов не позднее 1594 и 1597 годов с указами о заповедных годах; 2) подтверждается ли находящимися в научном обороте данными факт существования гипотетически реконструируемого указа 1592/93 года?

Заповедные годы упоминаются в источниках лишь в 1581–1592 годах, сменяясь впоследствии указами о пятилетнем сроке сыска беглых. В. И. Корецкий считал именно исчезновение упоминаний о заповедных годах важнейшим аргументом, подтверждающим точку зрения о существовании указа 1592/93 года¹². Грамота двинскому судейке от 14 апреля 1592 года, действительно, содержит последнее по времени упоминание о заповедных годах. Но, как верно заметил Р. Г. Скрынников, объяснить исчезновение термина можно ликвидацией самой системы заповедных лет, переставшей соответствовать своим целям¹³. Созданная для возвращения частновладельческих крестьян в тягло, система заповедных лет предполагала возврат беглых вне зависимости от сроков их бегства и времени пребывания на новом месте. Если крестьянин включался в тягло у нового землевладельца, срывать его с места для возвращения к прежнему помещику было крайне невыгодно для государства.

Значит ли это, однако, что в 1592–1593 годах система заповедных лет была заменена полным запретом переходов и отменой Юрьева дня

по царскому указу? Проанализируем основные документальные комплексы, которые привлекались исследователями для обоснования собственных концепций. Хронологически самыми близкими к предполагаемому времени издания указа являются хорошо известные в науке и недавно полностью изданные Елецкие акты 1592–1593 годов¹⁴. Они дважды подвергались исследованию, но результаты этих изысканий были истолкованы по-разному и повлекли за собой противоположные выводы.

В. И. Корецкий пришел к выводу, что режим «заповедных лет» не распространялся на южные уезды государства, и что там «помещики и крестьяне продолжали в какой-то мере руководствоваться ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском отказе», а в 1592–1593 годах правительство «распространило на юг действие указа о повсеместном запрещении крестьянского выхода»¹⁵. Г. Н. Анпилов, наоборот, сделал вывод о том, что режим «заповедных лет» распространялся на тяглых крестьян южных уездов Русского государства, а осуществленную Корецким реконструкцию указа 1592/93 годов он признает сомнительной¹⁶. Р. Г. Скрынников также не признает возможности существования указа 1592/93 года, но считает, что на юге «правила Судебника о крестьянских переходах формально не были упразднены»¹⁷.

Проанализируем Елецкие акты на предмет отражения в них текущего государственного законодательства о тяглом населении. Точно датированные документы (значительная их часть датирована суммарно 1592–1593 г.) относятся к периоду с 10 августа 1592 года по 29 марта 1593 года. В 35 документах отразились сведения об отказе или побеге 69 крестьян, оформившихся на службу в Елец казаками, стрельцами или пушкарями. Очевидно, это были лишь те крестьяне, уход которых вызывал судебные иски, причем чаще всего по поводу оставленного имущества, семей или урожая. Как показал Корецкий, многие новоприбранные казаки, не удовлетворенные условиями службы, вновь уходили в тягло на посадки или в захребетники. Еще до 23 июня 1592 года шесть казаков с оружием и боеприпасами сбежали со службы и в момент подачи челобитной 1 сентября 1592 года жили в деревнях пяти помещиков Тульского уезда¹⁸.

С какими правительственными мероприятиями возможно соотнести факты набора крестьян на службу и условия этого набора? В царских грамотах на Елец от 6 ноября и 31 декабря 1592 года категорически предписывалось «прибирати иных стрельцов ис вольных людей, а не с пашен и не ис холопства по нашему указу»¹⁹. По ремаркам в других актах видно, что крестьяне уходили на службу

или не с тяглых мест («прибирал на Елец в стрельцы сын от отца, брат от брата»), или оставляли вместо себя на тяглом месте других крестьян («в свое государь место яз на тягло посадил Лагутку Васильева сына Шубина») ²⁰.

Существенной разницы между принципами передвижения крестьянского населения на северо-западе России в период действия там заповедных лет и в южных уездах не прослеживается. В льготной грамоте, выданной Духову монастырю на вотчины в Деревской и Обонежской пятинах 20 марта 1585 года переходы крестьян не воспрещаются, но также обуславливаются участием в них нетяглых людей: «И называти ему на те пустые на льготные деревни крестьян нетяглых, з деревень от отцов – детей, и от дядь – племянников, и от братии – братию. А с тяглых ему мест крестьян на те на льготные деревни не называти». В обычных книгах Деревской пятины 1588 года также подчеркивался факт выхода крестьян с тягла: «А вси, господине, те крестьяне из-за князя Богдана вышли в государевы заповедные годы с тяглые пашни»²¹. Таким образом, нет оснований считать, что в южных уездах России в 1592–1593 годах не применялась практика, отождествляемая исследователями с режимом «заповедных лет».

Второй комплекс актов, данные которого использовались Корецким для доказательства тезиса о закрепостительном указе 1592/93 года, относится к Новгородской земле. В июле 1595 – феврале 1596 года в Новгородской приказной избе рассматривалось дело Пантелеймонова монастыря об обелении монастырской пашни. В 1588 году монахи двух монастырей города Ям, оставшегося по Плюсскому перемирию в руках Швеции, были определены на жительство в древнем Пантелеймоновом монастыре под Новгородом, а в качестве вотчинных земель им были переданы «на льготу на 10 лет» запустевшие монастырские деревни в Петровском Рамушевском погосте Деревской пятины. Условием льготы было «оживление» запустевших беж путем «наведения» в пустые дворы крестьян. В 1595 году, когда срок льготы уже подходил к концу, монахи вернулись в Ям, который был возвращен России по Тявзинскому мирному договору, не выполнив условия предоставления льготы.

Игумен Пантелеймонова монастыря Андреян был обеспокоен возможными санкциями за невыполнение этих условий, которые могли заключаться в том, чтобы «с тех пяти беж взятии за хоромное поставление по пяти рублев за двор, и государевы ямские и приметные деньги и всякие подати, и за посоху за прошлые годы, да и вперед на них с тех пяти беж государевы подати имати по

книгам»²². Поэтому он подал челобитную с просьбой «обелить» — освободить от налогов — монастырскую запашку. Объясняя причины, по которым не удалось «оживить» запустевшие деревни, игумен и сослался на царский указ, воспретивший выход крестьянам и бобылям: «И нынеча деи их тем льготным пяти обжам срок находит, и им деи тех льготных пяти обеж крестьяны навести не мочно, потому что ныне по государеву указу крестьянам и бобылям выходу нет, а казны деи у них монастырской в том Пантелееве монастыре нет и подмоги давати крестьяном нечем, и государева деи годового хлебново и денежново жалованья в тот Пантелеев монастырь не идет ничего, и около деи того монастыря пашни и огородцу нет»²³.

Корецкий осознавал, что упоминаемый в открытом им документе указ мог быть интерпретирован как «один из обычных указов о заповедных годах», и поэтому он привел два контраргумента. Во-первых, в акте речь идет о запрещении переходов бобылям, в то время как указы о заповедных годах «распространялись лишь на тяглые элементы сельского населения», и, во-вторых, «если в 80-х годах можно было “называть” крестьян и бобылей и без предоставления им подмоги, то в 1595 г. этого уже нельзя было делать — хозяйственно самостоятельные крестьяне и бобыли правом выхода уже не пользовались»²⁴. Эти соображения Корецкого можно отвести путем критики их даже только методами формальной логики. В самом деле, как согласовать противоречащие друг другу утверждения, что указы о заповедных годах 1580-х годов распространялись лишь на тяглые элементы сельского населения, и что в это же время можно было перезывать крестьян без предоставления им подмоги? Из сохранившихся порядных грамот известно, что в подмоге не нуждались тяглые крестьяне, переход которых однако уже в 1580-х годах был запрещен.

Факты, опровергающие построения Корецкого, содержатся и в самом тексте документов, ключевой фразой которых является оборот об отсутствии монастырской казны для предоставления подмоги выходцам. Значит, если бы монастырь располагал средствами, достаточными для предоставления выходцам ссуды, он бы заселил запустевшие обжи, а следовательно, переходы сельских жителей, не являющихся ответственными налогоплательщиками («от отцов — детей, от братьи — братьи»), были возможны и в 1590-х годах. Как явствует из опубликованного Корецким дела Новгородской приказной избы, подобные переходы были осуществлены в монастырских владениях накануне подачи иска старцем Андреевом. 12 декабря 1595 года губной староста прислал дозорную книгу монастырских

владений, из которой следует, что в 102 (1593/94) году в деревню Липица, о запустении которой сетовал старец, пришли три крестьянина из Ладоги, Городенского погоста и Холмского уезда²⁵. Значит, условия переходов крестьян после 1592 года никак не изменились в сторону их большего ужесточения.

Так как существенных отличий в практике крестьянских переходов в 1580-х и 1590-х годах не наблюдается, наиболее экономным способом объяснения такого порядка вещей является признание того факта, что режим «заповедных лет» в 1590-х годах превратился в устоявшийся порядок. Переход же с 1594 года к ограничению сроков подачи исков о вывезенных крестьянах пятью годами привело к исчезновению термина «заповедные годы». Впрочем, само использование этого выражения в официальной документации sporadически продолжалось вплоть до 1608 года. Именно тогда в жалованной грамоте Василия Шуйского Казанскому Зилантову монастырю появилась цитата из жалованной грамоты тому же монастырю 1574 года: «Которому крестьянину лучитца пойти за монастырь из-за кого-нибудь в выход в незаповедные лета, и с тех крестьян пошлин и пожилого имати с ворот с крестьянина по полтине да по два алтына». Однако в тексте грамоты 1574 года фразы о «незаповедных летах» нет, а значит, она была вставлена в 1608 году, дабы подчеркнуть различие между заповедными в прошлом и выходными годами²⁶.

Вышеприведенные аргументы убеждают в том, что документальные данные, которыми Корецкий обосновывал свои соображения о возможности существования указа 1592 года, не могут быть использованы для характеристики поступательного процесса закрепощения, реконструированного Корецким. Приглядимся к тем чертам, которые были выделены исследователем для характеристики возможного содержания указа. По мнению Корецкого: 1) указ запрещал выход крестьянам и бобылям на всей территории Русского государства; 2) правовым основанием крепости стала считаться запись в правительственные книги; 3) указ провозгласил принцип обязательной регистрации крестьян в правительственных документах; 4) в отношении вывезенных крестьян был установлен 5-летний срок подачи исковых челобитных, а в отношении беглых сохранен бессрочный сыск²⁷.

Однако все выделенные исследователем характерные черты гипотетического указа легко обнаруживаются в известных административных практиках конца XVI века. Судя по тому, что режим «заповедных лет» действовал в 1592–1593 годах и в южных уездах государства (Елецкий, Тульский и другие уезды), с некоторой долей условности

можно утверждать, что он охватывал всю ту часть территории России, где имелось постоянное сельское население и посадки. При такой постановке вопроса отпадает необходимость относить действие режима «заповедных лет» к землям Предуралья, Нижней Волги и Северного Кавказа, где никаких условий и необходимости придерживаться подобной практики просто не существовало. Некоторое сомнение вызывает у нас упоминание бобылей в документах Пантелеймонова монастыря, поскольку о сыске этой категории населения в известных грамотах с упоминаниями заповедных лет не говорится. Однако вполне возможно, сыск бобылей предусматривался в указе, изданном ранее 5 июня 1594 года о пятилетнем сроке подачи исковых челобитных в крестьянском вывозе²⁸. Следовательно, первая из отмеченных Корецким черт гипотетически смоделированного указа была свойственна ранее и позднее существовавшей административной практике.

Запись в правительственные книги, которую Корецкий считал качественно новой чертой предполагаемого указа, — очень позднее явление закрепостительной практики, сформировавшееся в полном объеме лишь в 1620-х годах. Однако судя по тому, что запись в официальных кадастрах требовалась для доказательства владельческой принадлежности крестьян уже в 1580-х годах, новшеством для 1590-х этот порядок также не являлся, о чем писал еще Г. Н. Анпилов. Третья отмеченная Корецким черта для конца XVI века анахронична, ибо, как отметил Анпилов, в «80-х гг. XVI в. регистрировались только главы крестьянских и бобыльских семей, принадлежавших помещикам и вотчинникам»²⁹. Вообще принцип регистрации всего мужского населения крестьянского двора утвердился лишь с момента переписи 1678 года; даже в переписных книгах 1646 года, не говоря уже о писцовых книгах 1620-х годов, фиксировались лишь главы семейств или, иногда, взрослые мужчины³⁰.

Наконец, пятилетний срок сыска вывезенных крестьян был введен указом, изданным не позднее 5 июня 1594 года. Таким образом, содержание гипотетического указа 1592/93 года В. И. Корецкий сконструировал из известных явлений закрепостительной практики в Русском государстве 1580-х и 1590-х годов — заповедных и урочных лет. Если считать одним из основных требований, предъявляемых к методам моделирования в социальных науках экономность, т. е. использование меньшего количества допущений и реконструкций, то модель, созданная Корецким в 1960-х годах, не обладала качествами экономности. Для того, чтобы объяснить известные нам по источникам изменения в положении тяглых людей, вполне

достаточно известных нам по упоминаниям указов о заповедных годах и урочных годах 1594 и 1597 годов. Гипотетически реконструируемый указ 1592/93 года в такой модели закрепощения является избыточным.

Итак, по нашему мнению, складывание системы закрепостительных мероприятий в отношении частновладельческих крестьян происходило путем утверждения практики заповедных лет. Принятый в этой системе способ сыска и возвращения беглых был крайне громоздок и неудобен в применении, поскольку предполагал подачу судебного иска землевладельцев, «обыск» местного населения и саму судебную процедуру. Выполнение решений судов также было сопряжено с многими препятствиями, начиная от открытого сопротивления вывозимых и их соседей. Накопление судебных исков землевладельцев привело правительство к мысли ограничения срока сыска крестьян, которое было предпринято на северо-западе России в указе, изданном ранее 3 мая 1594 года.

¹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1990. Т. 8. С. 173.

² Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1903. Т. 1. С. 224.

³ Подробнее см.: Аракчеев В. А. «Заповедные годы» на Северо-Западе России: историография, источники, методы исследования // Отечественная история. 2004. № 3. С. 128–140.

⁴ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.; Л., 1946. С. 872–874.

⁵ Новосельский А. А. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 178–183.

⁶ Корецкий В. И. 1) Новгородские дела 90-х годов XVI в. со ссылками на неизвестные указы царя Федора Ивановича о крестьянах // Археологический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 306–310; 2) Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 140–153.

⁷ Панелях В. М. Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения // История СССР. 1972. № 1. С. 160–163.

⁸ Анпилов Г. Н. 1) Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967; 2) К вопросу о законе 1592–1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах // История СССР. 1972. № 5. С. 161–171.

⁹ Скрынников Р. Г. 1) Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича // История СССР. 1973. № 1. С. 99–129; 2) Россия после опричнины. Л., 1975. С. 205–215.

¹⁰ Аракчеев В. А. 1) Из истории закрепощения в России: прикрепление к тяглу в конце XVI — начале XVII в. // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 39–69; 2) «Заповедные годы» на Северо-Западе России... С. 139–140.

¹¹ Побойшин И. Торопецкая старина // Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. С. 359; Наместничьи, губные и уставные грамоты... М., 1909. № 10. С. 147; Шумаков С. А. Новые губные и земские грамоты // ЖМНП. 1909. Октябрь. С. 388.

- ¹² *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в... С. 118–119, 128–129.
- ¹³ *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины... С. 204.
- ¹⁴ Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. Елец, 2001.
- ¹⁵ *Корецкий В. И.* 1) Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в... С. 106; 2) Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 96–116.
- ¹⁶ *Антилогов Г. Н.* К вопросу о законе 1592–1593 гг... С. 164–165.
- ¹⁷ *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины... С. 200.
- ¹⁸ Российская крепость на южных рубежах... № 36–37. С. 57–59.
- ¹⁹ Там же. № 96. С. 118; № 145. С. 172.
- ²⁰ Там же. № 6. С. 25; № 9. С. 30.
- ²¹ *Антилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в... С. 414, 416.
- ²² *Корецкий В. И.* Новгородские дела 90-х годов XVI в... С. 313.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян... С. 129.
- ²⁵ *Корецкий В. И.* Новгородские дела 90-х годов XVI в... С. 314.
- ²⁶ *Кунцевич Г. З.* Грамоты Казанского Зилантова монастыря. Казань, 1901. С. 14–15; Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. № 191.
- ²⁷ *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян... С. 145.
- ²⁸ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 46. С. 84 (далее – ЗАРГ. Тексты).
- ²⁹ *Антилогов Г. Н.* К вопросу о законе 1592–1593 гг... С. 165.
- ³⁰ *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962. С. 184–186.